

Экономическая интеграция: перспективы формирования общих валютно-финансовых механизмов ЕАЭС в контексте международного опыта

Остапенко В. А.^{1,*}, Шадыбеков К. Б.², Шишкараев Э. К.²

¹Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

* e-mail: ostapenko-guu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5918-4703

²Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В контексте развития интеграционных форм экономического взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) одной из наиболее актуальных задач выступает валютно-финансовая интеграция государств — его членов. Особую важность она приобретает в условиях геополитических изменений, санкционных ограничений, использования финансово-платежных инструментов как средств давления. **Цель.** Определение возможностей и специфики использования общих финансово-валютных инструментов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) с учетом имеющегося ретроспективного международного опыта. **Методология.** Методологической основой исследования являются методы анализа и синтеза, метод обобщения, метод аналогий. Проводится ретроспективный анализ практик применения инструментов международной валютно-финансовой интеграции на материалах Евразийской комиссии, ЕАЭС и Совета экономической взаимопомощи. **Результаты.** Обоснована необходимость совершенствования валютно-финансового механизма взаимодействия стран ЕАЭС как элемента экономической интеграции. Определяются возможности и ограничения применения опыта организации взаиморасчетов в рамках Совета экономической взаимопомощи в современных условиях на пространстве ЕАЭС. **Выводы.** Проведенный анализ существующей в ЕАЭС валютно-финансовой архитектуры позволяет сделать вывод о целесообразности поиска новых механизмов расчетов во взаимной торговле стран ЕАЭС. Создание в Евразийском экономическом союзе платежной системы с внедрением согласованной общей расчетной денежной единицы может ускорить внешнеторговый оборот, уменьшить макроэкономические риски и снизить зависимость от валютных издержек.

Ключевые слова: экономическая интеграция, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, валютно-финансовая интеграция, единая валюта, переводной рубль, платежные системы

Для цитирования: Остапенко В. А., Шадыбеков К. Б., Шишкараев Э. К. Экономическая интеграция: перспективы формирования общих валютно-финансовых механизмов ЕАЭС в контексте международного опыта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 22–31. EDN: RQIFXL

Economic Integration: Prospects for the Formation of Common Monetary and Financial Mechanisms of the EAEU in the Context of International Experience

Vladislav A. Ostapenko^{a,*}, Kuvanychbek B. Shadybekov^b, Esen K. Shishkaraev^b

^aState University of Management, Moscow, Russian Federation

*e-mail: ostapenko-guu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5918-4703

^bEurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

In the context of developing integration forms of economic interaction within the Eurasian Economic Union, one of the pressing issues is the monetary and financial integration of the Union member states. It is particularly important in the context of geopolitical changes, sanctions restrictions, and the use of financial and payment instruments as a means of pressure. **Aim.** The purpose of this article is to determine the possibilities and specifics of using common financial and currency instruments in the Eurasian Economic Union (EAEU), taking into account the existing retrospective international experience. **Methods.** The methodological basis of the study is the methods of analysis and synthesis, the method of generalization, the method of analogies. A retrospective analysis of the practices of applying international monetary and financial integration instruments is conducted using materials from the EU, the EAEU and the CMEA. **Results.** The need to improve the monetary and financial mechanism of interaction between the EAEU countries as an element of economic integration is substantiated. The possibilities and limitations of applying the experience of organizing mutual settlements within the CMEA in modern conditions in the EAEU space are determined. **Conclusions.** Our analysis of the existing monetary and financial architecture within the EAEU suggests the feasibility of exploring new settlement mechanisms for mutual trade between EAEU countries. The creation of a payment system within the EAEU with a new regional currency will facilitate increased foreign trade turnover, reduce macroeconomic risks, and lessen dependence on the reserve currencies of unfriendly countries.

Keywords: economic integration, Eurasian Economic Union, EAEU, monetary and financial integration, single currency, transferable ruble, payment systems

For citation: Ostapenko V. A., Shadybekov K. B., Shishkaraev E. K. Economic Integration: Prospects for the Formation of Common Monetary and Financial Mechanisms of the EAEU in the Context of International Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 22–31. (In Russ.) EDN: RQIFXL

Введение

В современном мире интеграционные процессы развиваются в условиях усиливающейся экономической конкуренции и геополитической неопределенности, что определяет необходимость гибких и адаптивных форм взаимодействия между государствами. На сегодняшний день в мире, по данным Всемирной торговой организации, действуют около 362 региональных торговых соглашений и многосторонних экономических интеграционных объединений регионального и субрегионального уровней [3].

Интеграционная успешность подобных объединений характеризуется выстраиванием экономического пространства, в границах которого формируется благоприятная конкурентная атмосфера, развиваются масштабные производственные системы, повышается привлекательность бизнес-среды и инвестиционного климата. Именно эти обстоятельства стали важным фактором, способствовавшим развитию Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) и углублению евразийской интеграции.

Как известно, экономический союз как форма интеграционного объединения является только одной из стадий экономической интеграции. Как правило, согласно классификации, представленной американским экономистом венгерского происхождения Белой Балассой, интеграционное объединение в ходе своего постепенного развития проходит несколько стадий [13]: зона свободной торговли — таможенный союз — общий рынок — экономический союз — валютный союз — политический союз. Каждая из этих форм проходит свой этап созревания и становления и по мере социально-экономической, политической и институциональной зрелости переходит на более высокую ступень интеграционного развития.

Из существующих в современном мире интеграционных объединений лишь Европейский союз в полной мере достиг ступени, когда, помимо единого экономического пространства, имеется единая

валюта и отмечается высокая степень финансово-валютной интеграции, характерная для экономического и валютного союза.

Между тем многие региональные экономические объединения, несмотря на заявленную цель по углублению сотрудничества, не продвигаются дальше стадий таможенного союза или общего рынка. Этот же тезис касается и Евразийского экономического союза, который находится пока на стадии формирования общих рынков и реализации принципов свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В свою очередь, ключевыми факторами для дальнейшего развития, после того как обеспечена свобода перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы, расширена емкость рынка, устранены имеющиеся барьеры и т. д., становятся согласованная экономическая политика и валютно-финансовая интеграция.

Поэтому стремление стран ЕАЭС к углублению экономической интеграции, особенно в условиях глобальной геополитической турбулентности, финансовой нестабильности и санкционных ограничений, является закономерным. В этой связи уже давно идет обсуждение валютно-финансовой интеграции как одного из возможных инструментов диверсификации валютных рисков, снижения транзакционных издержек и повышения финансовой устойчивости евразийского экономического пространства.

Проблемы формирования общей платежно-расчетной инфраструктуры Евразийского экономического союза

Текущая валютно-финансовая архитектура Евразийского экономического союза характеризуется разнообразием валют (российский рубль, казахский тенге, белорусский рубль, кыргызский сом, армянский драм, а также евро, доллар и другие валюты в расчетах). А финансовая интеграция ограничена пока уровнем координации монетарной политики при отсутствии единой платежной инфраструктуры.

Вместе с тем геополитическая напряженность и использование валютных инструментов в геополитике создали ситуацию, когда страны начали реализовывать механизмы решения возникающих проблем в финансово-валютной сфере. В частности, на заседании Высшего Евразийского экономического совета, состоявшемся в 2018 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин заострил внимание коллег — глав государств Союза на необходимости разработки общей платежно-расчетной инфраструктуры ЕАЭС с учетом усиления турбулентности геополитической неопределенности и важности снижения зависимости от внешних платежных систем.

В развитие предложенной инициативы в октябре 2019 г. была утверждена Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза¹, где одним из ключевых направлений валютно-финансовой интеграции определено развитие единого платежного пространства, основной целью которого, как гласит концепция, «выступает повышение доступности, качества, безопасности и надежности услуг, снижение издержек, содействие интеграционным процессам в финансовой сфере»². В частности, предусматривается обеспечение устойчивости национальных платежных систем государств — членов ЕАЭС, что способствует укреплению их экономического суверенитета.

В рамках реализации вышеназванной концепции Евразийский банк развития запустил собственную расчетно-клиринговую структуру, функционирующую в национальных валютах стран ЕАЭС. Практика показала успешность ее применения для проведения трансграничных платежей с использованием национальных платежных систем. Значимым преимуществом введенной системы стала возможность обеспечения расчетов в национальных валютах, избегая широко распространенной системы SWIFT и необходимой конвертации валюты.

Не исключено, что именно фактор платежных рисков стал триггером рассмотрения в Ереване (март 2022 г.) на заседании Совета Евразийской экономической комиссии вопроса о поэтапном переходе на

¹ О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2019 № 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf> (дата обращения: 12.01.2026).

² Там же.

расчеты в национальных валютах при проведении таможенных платежей в Евразийском экономическом союзе и принятии соответствующего решения¹.

Более того, академик С. Ю. Глазьев в 2022 г. предложил в рамках расширения экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР разработать проект независимой валютно-финансовой системы². В ее основе виделась новая международная валюта, курс которой рассчитывался бы как индекс курсов национальных валют стран-участниц и цен на биржевые товары.

Возможности введения единой валюты на пространстве Евразийского экономического союза

Идеи о единой евразийской валюте перманентно являются предметом дискуссий. К примеру, еще 9 декабря 2010 г. в рамках Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств рассматривался вопрос о единой валюте. Итогом стали утвержденные согласованные принципы и условия перехода на единую валюту сообщества, с перспективой выхода на межгосударственное соглашение, направленное на гармонизацию валютной политики и формирование институтов для полноценной реализации идеи³.

В современном мире идея использования странами единой валюты или коллективного денежно-валютного инструмента не нова, имеется как историческая, так и современная практика. Сложившаяся теоретическая и прикладная база позволяет сформулировать понятийный аппарат коллективной валюты как денежной единицы, используемой в качестве средства денежного обращения одновременно несколькими государствами.

В современной науке допускается двойное толкование «единой валюты» [1; 4]. Первое состоит в том, что она рассматривается как национальная валюта одной страны, используемая другими странами в качестве платежного средства внутри своих стран. Второе понимание сводится к тому, что несколькими странами создается специальная денежная единица — единая коллективная валюта как платежное средство. При этом единая валюта используется:

- а) как внутренние деньги на территории участников;
- б) как общая расчетная единица во взаимных торгово-экономических операциях между государствами.

Введение единой валюты для группы стран способствует дальнейшему расширению объемов взаимного товарообмена (работ, услуг) и интеграции национальных финансовых рынков.

Наиболее известными коллективными валютами в мировой практике являются: а) евро — в еврозоне 27 стран Европы, в 2026 г. присоединится Болгария; б) франк КФА ВСЕАО (франк Западноафриканского экономического и валютного союза) — коллективная валюта для семи стран; в) франк КФА ВЕАС (франк Центральноафриканского экономического и валютного сообщества) — коллективная валюта шести государств; г) восточно-карибский доллар, который используют восемь стран региона [12].

Особый валютный режим у сукре, являющейся коллективной валютой для Боливии, Венесуэлы, Гондураса, Кубы, Никарагуа и Эквадора, но выступающей в качестве безналичной расчетной единицы. Особенность в том, что каждая из этих стран в качестве внутреннего платежного средства использует собственные валюты, а сукре является расчетной единицей при взаимных межгосударственных расчетах.

Выбор странами решения в пользу введения коллективной валюты зависит от совокупности потенциальных выгод и издержек для каждой страны, готовой взять на себя все последствия принятого валютного решения. В науке этот выбор объясняет теория оптимальных валютных зон с точки зрения

¹ Бойко А. Страны ЕАЭС договорились о переходе на расчеты в нацвалютах [Электронный ресурс] // Ведомости. 18.03.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/03/18/914184-eaes-perehode-natsvalyutah> (дата обращения: 12.01.2026).

² ЕАЭС и Китай разработают проект независимой валютно-финансовой системы: информационное сообщение [Электронный ресурс] // Sputnik Кыргызстан. 14.03.2022. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220314/eaes-china-valyutnaya-sistema-1062841261.html> (дата обращения: 12.01.2026).

³ О мероприятиях на 2011–2013 гг. и последующие годы по реализации приоритетных направлений развития ЕврАзЭС. Решение Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 09.12.2010 № 533 [Электронный ресурс] // ЕврАзЭС. URL: <https://evrazes.com/print/measure/45> (дата обращения: 12.01.2026).

экономической оправданности объединения стран в единую валютную зону (теория Роберта Манделла, канадского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике 1999 г.) [14].

Возвращаясь к вопросу о введении единой валюты на Евразийском экономическом пространстве (как обсуждают в экспертных кругах, под условным названием «алтын»), отметим, что данная инициатива представляет сложный экономический, политический и институциональный выбор. Сделать который непросто, особенно, как справедливо оценивают эксперты [5], на фоне демонстрации странами ЕАЭС значительной макроэкономической разнородности в части уровня ВВП, структуры и степени открытости национальных экономик, готовности противостоять внешним рискам и других различий. Такая гетерогенность становится существенным барьером на пути к формированию единой евразийской монетарной политики, поскольку выгода одной страны может стать издержкой для других.

Кроме того, для монетарного единства в Союзе крайне важно иметь ключевые институты, позволяющие осуществлять общую финансово-валютную интеграцию. А именно — наднациональный центральный банк, механизмы фискальной координации и трансфертов, делегирования некоторых национальных денежно-кредитных функций в наднациональные институты и т. д. Согласно духу и букве Договора о ЕАЭС, содержательным базисом перехода к единой валюте может стать только полная согласованность макроэкономической политики. Причем крайне чувствительным становится вопрос национальной валютной суверенности.

В этих условиях идея «алтына» остается преимущественно символической, не имея под собой ни экономической, ни институциональной базы. Представляется, что в ближайшей перспективе реалистичными будут расширение взаиморасчетов в национальных валютах, согласованность региональной макроэкономической политики и развитие финансовых инструментов.

Аналогичная ситуация наблюдается и в рамках Союзного государства России и Беларуси, где введение единой валюты сдерживается отсутствием макроэкономической конвергенции, структурными и циклическими различиями в экономиках сторон, а также неготовностью делегировать суверенные полномочия по денежно-кредитному регулированию на наднациональный уровень.

Несмотря на декларируемую приверженность валютной интеграции, которая обозначена как цель в договоре 1999 г.¹, формирование единой валютной зоны и валюты в Союзном государстве откладывается вследствие имеющихся экономических разногласий. Фундаментом разногласий является стремление одной из сторон Союза сохранить валютно-финансовую самостоятельность и экономический суверенитет, отсутствие соответствующих ключевых институтов (единого центрального банка, фискального режима и т. д.). Исходя из чего вопрос единой валюты в рамках уже Евразийского экономического пространства представляется отдаленной перспективой до того времени, когда выбор между выгодой и издержками станет более очевидным для всех союзных стран. Поэтому на данный момент, когда спираль геополитических и геоэкономических изменений стремительно растет, суверенные союзные партнеры ведут многовекторную равноудаленную политику, продолжается развитие и укрепление национальных суверенных идентичностей. На наш взгляд, следует перейти от идеи единой валюты к рассмотрению иных альтернативных механизмов валютного единства.

В этом контексте интересен уже зарекомендовавший себя достаточно эффективно исторический прецедент, имевший место в недавнем прошлом, — система взаиморасчетов, функционировавшая в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Применение переводного рубля: опыт Совета экономической взаимопомощи

В период с 1964 по 1990 гг. в СЭВ действовал уникальный валютно-финансовый механизм — многосторонняя клиринговая система расчетов, основанная на использовании коллективной валюты, известной как переводной рубль. Участниками данной системы являлись десять государств: Советский

¹ Договор о создании Союзного государства (подписан 08.12.1999, вступил в силу 26.01.2000) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 5. Ст. 458.

Союз, Германская Демократическая Республика, Румыния, Венгрия, Болгария, Монголия, Польша, Чехословакия, Вьетнам и Куба.

Уникальность переводного рубля с точки зрения теории и практики была в том, что он фактически имел все атрибуты денежной единицы, а именно, его можно было использовать: для выражения стоимости товаров и услуг во внешнеторговом контракте между участниками СЭВ (валюта цены); как платежный инструмент для покрытия взаимных обязательств внутри организации (валюта платежа); в качестве средства выражения суммы обязательств в рамках системы взаиморасчетов (валюта долга).

Общий объем операций с переводным рублем, осуществленных во время деятельности СЭВ с 1964 по 1990 гг., согласно отдельным источникам [2], оценивался в размере свыше 4,5 трлн переводных рублей, что эквивалентно приблизительно 6,25 трлн долл. США.

Право эмитировать переводной рубль закреплялось исключительно за специально образованным институтом — Международным банком экономического сотрудничества (МБЭС), причем ни одна страна СЭВ не вправе была проводить самостоятельную эмиссию переводной денежной единицы. К ключевым задачам Международного банка экономического сотрудничества были отнесены:

- налаживание между странами — участницами СЭВ расчетов и кредитование внешнеэкономических операций в переводных рублях;
- реализация банковских операций в конвертируемых валютах.

В отличие от Европейской валютной системы, введенной в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1979 г., финансовый механизм стран СЭВ, реализовывавшийся через МБЭС, представлял собой неотъемлемый элемент системы межгосударственных расчетов. Если еврозона использует евро как для внутренних, так и для международных транзакций, то переводной рубль не вытеснял и не ограничивал применение национальных валют государств — членов СЭВ [9].

Общей валютой страны — участницы СЭВ распоряжались в процессе осуществления внешнеэкономической деятельности (внутри СЭВ) как инструментом расчетов при торговле товарами и услугами. Если же возникал дефицит расчетных средств, то государства вправе были прибегнуть к кредитованию со стороны МБЭС.

Примечательно, что переводной рубль не выпускался в виде банкнот, монет или казначейских билетов. Его предназначение было в том, чтобы быть исключительно клиринговой валютой и служить в товарообороте на пространстве СЭВ расчетной единицей и валютой цены. В качестве валюты платежа без обмена на национальные валюты переводной рубль обеспечивал товарооборот внутри СЭВ (промышленной продукции, энергоресурсов, транспорта, продукции сельского хозяйства, товаров народного потребления и т. д.). В качестве валюты цены в переводных рублях отражалась стоимость контрактов на поставку товаров, оказание услуг, выполнение каких-либо производственных и иных работ, также они применялись при составлении сметы для реализации крупных межгосударственных проектов. Кроме того, в переводных рублях, как валюте долга, выражались межгосударственные кредиты, долги и обязательства стран, а также различных юридических лиц как субъектов торгово-экономических отношений [6].

В целом эксперты выделяют ряд специфических особенностей, присущих системе расчетов в переводных рублях между странами СЭВ. Так, по мнению М. Г. Никитиной и Д. Б. Миранькова, характерными признаками переводного рубля являются следующие:

- «переводной рубль стал первой в мире коллективной валютой, получившей широкое применение в международной расчетной практике;
- переводной рубль являлся валютой межстранового оборота, его использование находилось только в прерогативе государств, которые в свою очередь наделяли необходимыми полномочиями центральные или внешнеторговые банки (по одному в каждой из стран). Использование переводного рубля негосударственными структурами и физическими лицами не предусматривалось;
- торговля на базе мировых цен, формировавшихся в регионах со свободно конвертируемыми валютами, и механизм курсовых котировок к этим валютам не позволяли переводному рублю получить статус коллективного представителя денежных единиц создавших его стран;

- механизм расчетно-платежной системы переводного рубля был достаточно эффективен, поскольку обеспечивал рост взаимного товарообмена в странах СЭВ, способствовал усилению и углублению сотрудничества в производственных, инвестиционных и других сферах;
- расчеты в переводных рублях способствовали ведению внешнеэкономической деятельности между участвующими странами без нарушений взаимных платежных балансов и чрезвычайного расходования золотовалютных резервов» [10].

В сравнении с так называемой доллароцентричной системой, имеющей привилегированный статус в современной мировой валютно-финансовой сфере, переводной рубль, выполняя международные финансовые функции, применялся на принципе равноправия участников без предоставления кому-либо односторонних преимуществ. Переводная система позволяла изолировать страны СЭВ от негативного влияния и потенциальных рисков, в отличие от ситуации, когда доминирующая валюта потенциально могла стать инструментом влияния. Специфичность переводного рубля исключала монетарный контроль со стороны основного привилегированного эмитента.

С 1 января 1991 г. система межгосударственных расчетов в переводных рублях была официально ликвидирована, и взаимные платежи между странами бывшего СЭВ стали осуществляться в свободно конвертируемой валюте. Упразднение многосторонней клиринговой системы было обусловлено не экономическими или функциональными недостатками самого механизма, а глубоким политическим кризисом, охватившим государства — участников Совета экономической взаимопомощи и сопровождавшимся ростом межгосударственной напряженности.

Несмотря на прекращение ее функционирования, внедрение первой в мировой практике наднациональной клиринговой валюты представляет собой значительное достижение передовой экономической мысли. Опыт, полученный благодаря находившемуся в обращении более четверти века переводному рублю, послужил основой для других расчетных моделей, в частности, появившейся на 15 лет позже (в 1979 г.) коллективной расчетной единицы (ЭКЮ), введенной в странах Европейского экономического сообщества [8].

В контексте современных дискуссий о возможностях валютной интеграции в рамках Евразийского экономического союза анализ опыта СЭВ приобретает особую актуальность. Сложность использования этого опыта в современных условиях функционирования ЕАЭС обусловлена отсутствием системы директивного государственного планирования и рыночными принципами ценообразования [7]. Вместе с тем, несмотря на некоторые различия в экономических системах и институциональных основах, исторический прецедент создания коллективной расчетной валюты демонстрирует потенциальную жизнеспособность региональных финансовых механизмов, ориентированных на существенное снижение зависимости от доминирующих мировых валют.

В ситуации усиления геополитической нестабильности и санкционного давления вопрос о развитии собственных инструментов расчетов и накопления в ЕАЭС вновь выходит на повестку дня, что делает анализ опыта применения переводного рубля не только научно значимым, но и практически востребованным. Все большую актуальность приобретает задача поиска надежных механизмов расчетов во взаимной торговле стран ЕАЭС.

Сегодня, в век стремительного развития информационных технологий, цифровая валюта могла бы стать одним из таких механизмов — формой региональных расчетных единиц на евразийском экономическом пространстве, способствуя оперативным трансграничным платежам между странами Союза. Подобные цифровые инструменты¹ обеспечивают стабильность рыночной стоимости и возможность обмена валюты на товар без дополнительных издержек, нивелируя негативные факторы влияния на рынок эмитентов доминирующих валют. Конечно, это потребует инвестиций в цифровую инфраструктуру, разработку совместных стандартов, учета возможных рисков, но в перспективе значительно укрепит экономическую связь стран Союза.

¹ Прим.: цифровые токены (стейблкоины), стоимость которых может быть привязана к фиксированной экономической единице или реальному активу (энергоресурсы, драгоценные металлы).

В контексте рассматриваемых механизмов создание в границах Евразийского экономического пространства платежной системы, основанной на взаимовыгодных принципах с учетом исторических прецедентов и современных реалий, является наиважнейшей задачей. Ее решение позволило бы активизировать внешнеэкономические межгосударственные отношения внутри ЕАЭС, снизить издержки стран-участниц от геополитического политико-экономического давления [11].

Заключение

В условиях растущей геополитической нестабильности особую актуальность приобретает создание механизма расчетов в коллективной региональной валюте с учетом современной технологизации. Перспективным может стать возрождение института «переводного рубля» — наднациональной клиринговой единицы, успешно применявшейся в рамках Совета экономической взаимопомощи. Например, целесообразно использовать переводной рубль («алтын») или его цифровой аналог в качестве расчетной валюты при торговле стратегическими энергоресурсами: нефтью, природным газом, углем, электроэнергией и другими видами топлива. Такой подход позволит минимизировать валютные риски, снизить зависимость от иностранных платежных систем и обеспечить устойчивость взаимных поставок в условиях внешнего давления и обеспечения энергетической безопасности странам — участникам использования расчетной валюты «алтын».

Воссоздание переводного рубля для энергетического сектора ЕАЭС логично опиралось бы на исторический опыт СЭВ, адаптированный к современным рыночным условиям. В отличие от прошлого, новая версия переводного рубля «алтын» могла бы функционировать не как универсальная расчетная единица во всей внешней торговле, а как специализированный инструмент — «энергетическая валюта» — с привязкой к корзине национальных валют стран-участниц и/или к биржевым ценам на энергоносители. Это позволило бы сохранить макроэкономическую автономию государств, одновременно создавая устойчивый механизм взаиморасчетов в ключевом секторе евразийской экономики. Подобная инициатива соответствовала бы заявленной в Концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС цели развития единого платежного пространства и укрепления экономического суверенитета Союза.

В итоге анализ опыта валютной интеграции на региональном уровне свидетельствует о том, что переход к единой валюте (расчетам) возможен лишь при устойчивой макроэкономической конвергенции, развитых институциональных механизмах координации и политической воле к делегированию полномочий. А исторический опыт СЭВ и современные модели коллективных валют подтверждают: успех валютной интеграции зависит не столько от технической готовности, сколько от глубины экономической взаимозависимости и доверия между участниками.

Список литературы

1. *Бланшар О.* Макроэкономика : учебник. М. : Высшая школа экономики, 2010. 671 с.
2. *Борисов С. М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский... : Проблема конвертируемости : учеб. пособие / предисл. Ю. А. Константинова. М. : ИНФРА-М, 1997. 287 с.
3. *Глазьев С. Ю., Андропова И. В.* [и др.] Евразийская экономическая интеграция: теория и практика : учеб. пособие / под ред. А. К. Камалян. М. : Проспект, 2023. 645 с.
4. *Еременко А. А.* Единая валюта в интеграционных группировках : дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2000. 186 с. EDN: NLTCTP
5. *Захарова С. В., Соколова О. Ю.* Общая макроэкономическая характеристика стран-членов ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / ИНИОН РАН. Москва, 2022. Вып. 5, ч. 1. С. 435–439. EDN: NPVFAУ
6. *Катасонов В. Ю.* Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
7. *Кузнецов А. В.* Переводной рубль как уникальный проект международных валютных отношений // Вопросы политической экономии. 2023. № 2. С. 102–114. EDN: ZTESGA. DOI: 10.5281/zenodo.7987853

8. Лукашевич Д. А. Отказ СССР от международных расчетов с использованием «переводного рубля» и переход к расчетам в свободно конвертируемой валюте (1989–1991). Историко-правовой аспект // Закон и право. 2020. № 11. С. 46–49. EDN: EQAKZM. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10518
9. Мазанов Г. Г. Международные расчеты стран — членов СЭВ (Вопросы развития и совершенствования). Москва : Финансы, 1970. 110 с.
10. Никитина М. Г., Мираньков Д. Б. Банковские институты СЭВ в условиях современности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 101–108. EDN: VEBHBF
11. Семеко Г. В. Дедолларизация и развитие альтернативных моделей межгосударственных платежей (на примере ЕАЭС) // Россия: тенденции и перспективы развития : ежегодник / ИНИОН РАН. Москва, 2023. Вып. 18, ч. 1. С. 258–262. EDN: XJUQSH
12. Сухарев А. Н. Единые валюты в современном мире и перспективы создания единой валюты в ЕвразЭС // Финансы и кредит. 2014. № 17 (593). С. 2–9. EDN: SCDCLN
13. Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill : R. D. Irwin, 1961. 328 p.
14. Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51, No. 11. P. 657–665.

Об авторах:

Остапенко Владислав Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент, Государственный университет управления (Москва, Российская Федерация);
e-mail: ostapenko-guu@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5918-4703

Шадыебеков Куванычбек Баймуратович, кандидат юридических наук, доцент, помощник члена Коллегии (министра) по энергетике и инфраструктуре, Евразийская экономическая комиссия (Москва, Российская Федерация);
e-mail: shadybekov@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9386-9509

Шишкараев Эсен Козубаевич, советник Секретариата члена Коллегии (министра) по энергетике и инфраструктуре, Евразийская экономическая комиссия (Москва, Российская Федерация);
e-mail: shishkaraevesen@gmail.com; ORCID: 0009-0008-6819-3730

References

1. Blanchard, O. Macroeconomics : textbook. Moscow : Higher School of Economics, 2010. 671 p. (In Russ.)
2. Borisov, S. M. Ruble: Gold, Red, Soviet, Russian...: The Problem of Convertibility: textbook / preface by Yu. A. Konstantinov. Moscow : INFRA-M, 1997. 287 p. (In Russ.)
3. Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V. [et al.] Eurasian Economic Integration: Theory and Practice : textbook manual / ed. by A. K. Kamalyan. Moscow : Prospect, 2023. 645 p. (In Russ.)
4. Eremenko, A. A. Single Currency in Integration Groups: dissertation for the degree of candidate of economic sciences. Moscow, 2000. 186 p. (In Russ.) EDN: NLTCTP
5. Zakharova, S. V., Sokolova, O. Yu. General Macroeconomic Characteristics of the EAEU member countries // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation : yearbook, Moscow, October 6–7, 2021. Issue 5. Part 1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2022. P. 435–439. P. 435–439. (In Russ.) EDN: NPVFAY
6. Katasonov, V. Yu. Stalin’s Economy / ed. O. A. Platonov. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2014. 416 p. (In Russ.)
7. Kuznetsov, A. V. Transferable Ruble as a Unique Project of International Monetary Relations // Problems in Political Economy. 2023. No. 2. P. 102–114. (In Russ.) EDN: ZTESGA. DOI: 10.5281/zenodo.7987853
8. Lukashevich, D. A. The USSR’s Refusal of International Settlements Using the “Transferable Ruble” and the Transition to Settlements in Freely Convertible Currency (1989–1991). Historical and Legal Aspects // Law and Right. 2020. No. 11. P. 46–49. (In Russ.) EDN: EQAKZM. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10518

9. Mazanov, G. G. International Settlements of the CMEA Member Countries (Issues of development and improvement). Moscow : Finance, 1970. 110 p. (In Russ.)
10. Nikitina, M. G., Mirankov, D. B. Banking Institutions of the CMEA in Modern Conditions // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Tauride National University. Series: Economics and Management. 2013. Vol. 26 (65), No. 1. P. 101–108. (In Russ.) EDN: VEBHBF
11. Semeko, G. V. De-dollarization and the Development of Alternative Models of Interstate Payments (Using the EAEU as an Example) // Russia: Development Trends and Prospects : yearbook. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2023. Issue 18, Part 1. P. 258–262. (In Russ.) EDN: XJUQSH
12. Sukharev, A. N. Single Currencies in the Modern World and Prospects of Creation of Single Currency in EURASEC // Finance and Credit. 2014. No. 17 (593). P. 2–9. (In Russ.) EDN: SCDCLN
13. Balassa, B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill : R. D. Irwin, 1961. 328 p.
14. Mundell, R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. Vol. 51, No. 11. P. 657–665.

About the authors:

Vladislav A. Ostapenko, PhD in Economics, Associate Professor, State University of Management (Moscow, Russian Federation);
e-mail: ostapenko-guu@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5918-4703

Kuvanychbek B. Shadybekov, PhD in Jurisprudence, Assistant to the Member of the Board (Minister) for Energy and Infrastructure, Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation);
e-mail: shadybekov@mail.ru; ORCID: 0009-0009-9386-9509

Esen K. Shishkaraev, Advisor to the Secretariat of the Member of the Board (Minister) for Energy and Infrastructure, Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation);
e-mail: shishkaraevesen@gmail.com; ORCID: 0009-0008-6819-3730

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Остапенко В. А., Шадыбеков К. Б., Шишкараев Э. К., 2026